

Саша. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Саша. Николай Алексеевич Некрасов

1
Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,
Пахарь ли песню вдали запоеет –
Долгая песня за сердце берет;
Лес ли начнется – сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!
Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,
Любо мне видеть знакомую ниву –
Дам же я волю благому порыву
И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!
Злобою сердце питаться устало –
Много в ней правды, да радости мало;
Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.
Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.
Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром не сгнуло сил молодых,
Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои не нагнали
На боязливую душу мою –
я побежден пред тобою стою!
Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,
и про убитую Музу мою
я похоронные песни пою.
Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно –
Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенья страданий моих!
Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:
Только что я ей объятья раскрыл –
Хлынули слезы, прибавилось сил.
Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,
Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.
Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,
Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!
Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу
И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди – соседи мои,
Славные люди! Радушье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.
Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,
Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже
Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Все ли застану по-прежнему в нем?

2
Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.
Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.
Всем окружив ее тихое детство,

Что позволяли убогие средства,
Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.
Книги ребенку – напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;
Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,
Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитяtko ваше, –
Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,
Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так смуглы!
Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...
Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана
И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.
Та ли, другая пред нею дорожка –
Смело ей вверится бойкая ножка;
Да и чего побоится она?..
Все так спокойно; кругом тишина,
Сосны вершинами машут приветно, –
Кажется, шепчут, струясь незаметно,
Волны над сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей
В наши объятия: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».
Полям идешь – все цветы да цветы,
В небо глядишь – с голубой высоты
Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;
Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!
Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,
Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей, –
Думает Саша, – безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликование
Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.
Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне –
Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:
Знает она, что недаром с любовью
Землю полиют они потом и кровью...
Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;
Дорого-любо, кормилица-нива
Видеть, как ты колосишься красиво,
Как ты, янтарным зерном налита
Гордо стоишь высока и густа!
Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;
Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»
Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!
Саша проснется – бежит на гумно
Солнышка нет – ни светло, ни темно,
Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали
Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,
За нагруженной снопами телегой

Чинно идет жеребеночек пегой,
Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.
А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,
Не успевают улечься их тень.
Солнце взошло – начинается день...
Саша сбирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,
Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей
В пестром смещении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.
Время к полудню, а Саши все нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,
Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;
Вот раздалось «ау» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке
Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!
Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» – «Так что ж?»
– «Что? ничего! понимай как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:
Спелому колосу – серп удалой
Девушке взрослой – жених молодой!»
– «Вот еще выдумал, старый проказник!»
– «Думай не думай, а будет нам праздник!»
Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки
Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!»...
Сашу поймают и весело им
Свидеться с дитяtkом бойким своим...
В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки
Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.
Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,
Весело мчится. На полном бегу
На бок салазки – и Саша в снегу!
Выбьются косы, растреплется шубка –
Снег отряхает, смеется, голубка!
Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...
Саше случалось знать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,
Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!
Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,
Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,
Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились –
Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал – и вон побежал,
В темную нору забились лисица,
Машет крылом осторожнее птица,
В недоуменьи тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.
С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,
С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,
Старую сосну сперва подрубили

После арканом ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.
Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.
Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,
Из перерубленной старой березы
Градом лилился прощальные слезы
И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,
И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна, –
Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,
Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном
Раненый стонет, зовет, проклиняет.
Ветер над полем кровавым летает –
Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!
Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;
Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,
Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!
С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,
Прыгали, злились. Наскучил их крик –
И придавил их ногою мужик.
Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,
Да через месяц – пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;
Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,
Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.
Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,
Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.
Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,
Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!
Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала –
Через соседний несрубленный лес,
С пышно-румяного края небес
Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосой янтарной
И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.
Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петть будут птицы?
В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, – но весело ей.
Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,
Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!
Полны вы чары и неги беспечной,

Саша. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru

Нет еще муки в тревоге сердечной;
Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,
Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,
Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,
Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?
Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?..
Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:
С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,
Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,
Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!
В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:
«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;
В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,
Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,
Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.
Звал он себя перелетною птицей:
„Был, – говорит, – я теперь за границей,
Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов –
Все там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.
На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной все кружился орел,
Словно прочил великую долю“.
Мы со старухой дивилися вволю,
Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,
Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей –
Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,
Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,
И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.
Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!
Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.
Словно брала их чужая кручина,
Все рассуждали: какая причина,
Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?
Но, – говорит, – не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!
И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.
Саша туда же – отстать-то не хочет –
Выпить не выпьет, а губы обмочит;
Грешные люди – пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

Саша. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru

„Бил, – говорит, – я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,
Благословите на дело... пора!“
Перекрестился – и съехал с двора...
В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.
Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:
Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! – да не тешат салазки.
Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.
Книжки читает, украдкой плачет.
Видели: письма все пишет и прячет.
Книжки выписывать стала сама –
И наконец набралась же ума!
Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;
А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!
Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.
Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем – и горюшка нет.
Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.
Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;
Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;
Вышла навстречу – и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудреного нет:
В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,
Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...
Все, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;
Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:
„Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,
Род человеческий низок и зол“.
Да и пошел! и пошел! и пошел!..
Что говорил – мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:
Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит как тень!
Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.
Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал
Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила – была у ней жаба.
Он поглядел и сказал нам шутя:
„Тешится новой игрушкой дитя!“
Саша ушла – не ответила слова...
Он было к ней; говорит: „Нездорова“.
Книжек прислал – не хотела читать
И приказала назад отослать.
Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: „Я собрался в дорогу“ –
Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.
Что ж?.. он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами
Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает он в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.
Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.
„Нет, не пойду“. А сама беспокойна;
То говорит: „Я его недостойна“ –
То: „Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!“
А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!
Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.
Долго ли будет она убиваться?
Или уже ей не певать, не смеяться,
И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек
Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:
Саша поправится – бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:
Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы..
Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!
Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! – современный герой!
Книги читает да по свету рыщет –
Дела себе исполинское ищет,
Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,
Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.
«Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:
Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвой ранней могилы,
Или по свету звездой пролечу!»
Мир, – говорит, – осчастливить хочу!»
Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.
В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,
Но не научат любить глубоко..
Дело веков поправлять не легко!
В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы –
Нужны столетия, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.
Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,
Только дающая силу и власть,
В слове и деле чужда ему страсть!
Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись – комара не обидит!
Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует – не кровь!
Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:
Верить, не верить – ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!
Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;
Нынче не знает, что завтра сожнет,

Саша. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru

Только наверное сеять пойдет.
Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;
Если ж за дело возьметса – беда!
Мир виноват в неудаче тогда;
Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»
И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел..
Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.
Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,
А остальное все сделает время.
Сеет он все-таки доброе семя!
В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, – то бугор, то овраг.
В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,
Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной
С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее – в три четверти груди, –
Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега, –
Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края
Жалкий овраг... Пролетела весна –
Выжжет опять его солнце до дна,
Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,
Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил..
Эх! говорю я хитро, непонятно!
Найдите и верьте, друзья: благодатна
Всякая буря душе молодой –
Зреет и крепнет душа под грозой.
Чем неутешнее дитяtko ваше,
Тем вострепенетса светлее и краше:
В добрую почву упало зерно –
Пышным плодом отродится оно!
(1854–1855)
Мороз, Красный нос
Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружилса,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинилса.
Для житейских расчетов и чар
Не рассталса б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалоса сердце с печали
И на чью они грудь упали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели..
Да и время ушло, – я устал..
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,

Саша. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru

Я во многое верил глубоко,
А теперь – мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...
Присмирившую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя – и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...
Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...
И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно –
Здесь одни только камни не плачут...
Часть первая Смерть крестьянина

1

Савраска увяз в половине сугроба –
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.
Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу – должно полагать.

2

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,
В избушке – теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.
Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

3

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.
Века протекали – все к счастью стремилось,
Все в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.
Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, –
Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся – воплощенный испуг,

Ты вся – вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

4

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.
Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет – словно солнце осветит!
Посмотрит – рублем подарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Во всякой работе ловка.
И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!
Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!
Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.
Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...
По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.
Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.
В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет – спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!
Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей –
Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;
Не жалок ей нищий убогой
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.
В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.
Идет эта баба к обедни
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,
Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

5

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!
Горда ты – ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.
Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

6

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Побитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;
Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна –
Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,
Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.
Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.
Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.
Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.
Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошла:
Земля как железо звенела
Ворона ни с чем убралась...
Могилы на славу готова,
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,
Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.
Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

7

В овраге, у речки Желтухи,
 Старик свою бабу нагнал
 И тихо спросил у старухи:
 «Хорош ли гробок-то попал?»
 Уста ее чуть прошептали
 В ответ старику: «Ничего».
 Потом они оба молчали,
 И дровни так тихо бежали,
 Как будто боялись чего...
 Деревня еще не открылась,
 А близко – мелькает огонь.
 Старуха крестом осенилась,
 Шарахнулся в сторону конь –
 Без шапки, с ногами босыми,
 С большим заостренным колом,
 Внезапно предстал перед ними
 Старинный знакомец Пахом.
 Прикрыты рубахою женской,
 Звенели вериги на нем;
 Постукал дурак деревенской
 В морозную землю колом,
 Потом помычал сердобольно,
 Вздохнул и сказал: «Не беда!
 На вас он работал довольно!
 И ваша пришла череда!
 Мать сыну-то гроб покупала,
 Отец ему яму копал,
 Жена ему саван сшивала
 Всем разом работу вам дал!..»
 Опять помычал – и без цели
 В пространство дурак побежал.
 Вериги уныло звенели,
 И голые икры блестели,
 И посох по снегу черкал.

8

У дома оставили крышу,
 К соседке свели ночевать
 Зазябнувших Машу и Гришу
 И стали сына обрывать.
 Медлительно, важно, сурово
 Печальное дело велось:
 Не сказано лишнего слова,
 Наружу не выдано слез.
 Уснул, потрудившийся в поте!
 Уснул, поработав земле!
 Лежит, непричастный заботе,
 На белом сосновом столе,
 Лежит неподвижный, суровый,
 С горящей свечой в головах,
 В широкой рубахе холщовой
 И в липовых новых лаптях.
 Большие, с мозолями, руки,
 Подъявшие много труда,
 Красивое, чуждое муки
 Лицо – и до рук борода...

9

Пока мертвеца обряжали,
 Не выдали словом тоски,
 И только глядеть избегали
 Друг другу в глаза бедняки,
 Но вот уже кончено дело,
 Нет нужды бороться с тоской,
 И что на душе накипело,
 Из уст полилося рекой.
 Не ветер гудит по ковыли,
 Не свадебный поезд гремит –
 Родные по Прокле завывли,

По Прокле семья голосит:
«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.
Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...
Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землею –
Одумал – а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горючими нам!
Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины –
Хозяйка без мужа в дому.
Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!
Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!
На радостях мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили –
Покушай, желанный, родной!
А сами напротив бы стали,
Кормилец, надежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

10

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.
На смену входили другие,
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные –
Капуста да с хлебушком квас.
Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.
Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая
Проведать ребяток пошла.
Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

11

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.
Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий

Покойника вынес народ.
– Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..
В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.
С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.
Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.
Немало и тут доставалось –
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.
Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.
Слышал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;
Продрогнешь, натерпишься страху,
А там – и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху –
Зима доконала его!..

12

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:
Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой возвратился –
Нет голосу, в теле пожар!
Старуха его окотила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет – не поправился он!
Тогда ворожеек созвали –
И поят, и шепчут, и трут –
Все худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,
Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь, –
А плохо – и пьет и не ест!
Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя –
Случившийся тут – предлагал.
Но дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь
Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.
Пошла, воротилась с иконой –

Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал
И умер...

13

... Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!
Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают – иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.
Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать
Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.
За Дарьей – соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,
Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет», –
Согласно решили они...

14

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.
Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч! –
Сказал, – благодушен ты был,
Жил честно, а главное: в сроки –
Уж как тебя бог выручал –
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»
Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вон она, жизнь человечья!» –
Прибавил – и шапку надел.
«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалился... не минуть и нам!..
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.
Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!
Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
ровняя землицу лопатой
Под вопли старухи своей.
Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..
» – народ говорил.

15

А Дарья домой воротилась –
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь – ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек
Хотелось бы их приласкать,
Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова.
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...
Часть вторая Мороз, Красный нос
16

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.
Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.
Кругом – поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блеснит...
У Дарьи слезами наполнились очи –
Должно быть, их солнце слепит...
17

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале – деревья все выше,
А тени длинней и длинней.
Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но – чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!
Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,
И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.
И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.
Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...
18

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова,
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.
Срубивши, на дровни бросает –
Наполнить бы ей поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы все льют из очей:
Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет –
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;
Другую на дерево кинет,
На плашку, – и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет –
Бела и кругла и плотна.
А та на глазу поблестает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит, – не чувствуя стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...
19

.....
.....
«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!
Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!
Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!
Ножками бить и смеяться
Будет... а мы то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..»
20

«Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!
Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,
Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...
Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!
В поле одной–то надсадно,
В поле одной неподавно
Стану я милого звать!
Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!
Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум поставить...»
21

«Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку, –
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..
Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,

Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожиной поскорее,
Видишь – зерно потекло...
Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...»

22

«Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу – меня оступает
Сила – несметная рать, –
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.
Слышу, земля задрожала –
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят –
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
„Видишь – меня оступает
Сила – несметная рать, –
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..“
Тут я кругом огляделась –
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать –
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!
Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают –
Больше стоять не хотят!
Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна –
Словно под градом стою!
Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..
Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.
Стану без милого жать,
Сноптики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы мои горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..»

23

«Долги вы, зимние ноченьки,

Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотно я ткать.
Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.
Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...
Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..
Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стала на свадьбу копить понемногу...
Вот – дождались, слава богу!
Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно –
Пава-невеста, соколик-жених!
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..»
24

«Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушенко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?
Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?
Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро – рекрутский набор!
Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор –
Скажет: мирской приговор!
Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!
Нет, не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..»
25

«Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела – пошла,
Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет – хоть бы луч!
На небо глянешь – какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...
Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!
Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..
Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заянька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!
В лес укатил, слава богу...

К полночи стало страшней, –
Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу.
Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
я приношенье несую!
Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, –
Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
я не смыкала очей.
Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.
Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.
Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!
Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! все отдаем,
что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..»

26

«Вся ты, тропинка лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась – и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала –
что было в мыслях тогда,
как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...
Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!
Я осенилась крестом
и побежала бегом...
Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
до монастырских ворот.
я поклонилась земным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь –
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!»

27

«Долго меня продержали –
Схимницу сестры в тот день погребали.
Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит – молодая, спокойная,

Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.
В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу.
Черный покров на гробу –
Этак-то ангелы кротки!
Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталась я
Горькой вдовой с сиротами!
Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.»

28

«Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложились к ней.
Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.
К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...
Только ты милости к нам не явила!

.....

.....

Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

29

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.
Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.
Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали –
Невольный и страшный покой!
Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая –
День светел, крепчает мороз.

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи –
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.
Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?
Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?
Идет – по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.
Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.

И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!
Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

31

«Вглядись, молодлица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?
Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны –
Построю дворцы изо льда.
Задумаю – реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.
Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, –
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.
Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.
На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.
Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.
Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам – хоть руби топором!
Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.
Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.
Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

32

«Тепло ли тебе, молодлица?» –
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» – отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.
Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковой, тише:
«Тепло ли?..» – «Тепло, золотой!»
Тепло – а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.
И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» – промолвил опять
И в Проклушку вдруг обратился,

И стал он ее целовать.
В уста ее, в очи и плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.
И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,
Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

33

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето –
Не вся еще рожь свезена.
Но сжата, – полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.
Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.
Телега, скрипя, подъезжает –
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.
«Бог помочь! А где же Гришуха?»
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», – сказала старуха.
«Гришуха!» – отец закричал,
На небо взглянул. «Чай, не рано?
Испить бы...» – Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напитаться кваску подает.
Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.
«Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!» –
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.
Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал бабушку, матку,
Сестренку – вертится вьюном!
От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,
Добрался, – оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

34

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятка, с собой!»
Спрыгнула с мешка – и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!
Убилась – неважное дело!..
Девчонок ненадобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!
Смотри же!..» Жена застыдилась:

Саша. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru

«Довольно с тебя одного!»
(А знала, под сердцем уж билось
дитя...) «Ну! Машук, ничего!»
И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
и с грохотом воз покатил.
Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,
Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...
Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,
Душой улета за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!
О чем она – бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольного счастья предел.
В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

35

Какой бы ценой ни досталось
Забвенью крестьянке моей,
что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.
Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.
Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

36

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.
Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,
Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный –
Вершинами белка идет.
Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...
(1862–1863)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Саша. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!